

УДК 316.35
ББК 60.56

НАУКА В РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

(Статья подготовлена при поддержке РГНФ, заявка № 16-13-18005)

Пономарёв, А. М.

доктор философских наук

директор Удмуртского филиала

Института философии и права УрО РАН

г. Ижевск, Россия

SCIENCE IN THE RUSSIAN REGIONS IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: THE PROBLEM

Ponomarev, A.

doctor of philosophical science

Director of the branch of the Udmurt

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Izhevsk, Russia

АННОТАЦИЯ

В тексте в форме постановки проблемы рассмотрена трансформация управления наукой в российском регионе в контексте глобализации. В частности, выделены особенности текущего процесса глобализации и его влияния на научные исследования. С привлечением результатов исследования Б. Ридингса, фиксируется изменение дискурса в управлении наукой в регионах России, замена исследователя в качестве ключевой фигуры процесса получения нового знания администратором. Региональные научные сообщества в качестве объекта управления описаны с применением концепта

«научная сеть». Выделены академическая и университетская научные сети в качестве основных региональных научных сетей, описаны два типа механизмов их интеграции. На основании характерных черт этих механизмов выявлено управленческое противоречие в реформировании российской региональной науки.

Перечисленные вопросы рассмотрены с привлечением предварительных результатов исследования, выполненного при поддержке РГНФ в Удмуртской Республике.

ABSTRACT

The transformation of science management in the Russian region is considered in this text in the context of globalization. In particular, the features of the current process of globalization and its impact on scientific research are highlighted. With the involvement of the research results B. Ridings changing the discourse in science in the regions of Russia, the replacement of the researcher as a key figure in the process of obtaining new knowledge by the administrator are fixed. The regional scientific community as a control object is described with the use of the concept "scientific network". Academic and University research networks as a major regional research networks are highlighted, two types of mechanisms of their integration are described. On the basis of the characteristic features of these mechanisms identified administrative contradiction in the reform of Russian regional science.

These issues are discussed with the involvement preliminary results of research carried out with the support of the RGNF in the Udmurt Republic.

Ключевые слова: глобализация, научная сеть, вертикальная интеграция научной сети, горизонтальная интеграция научной сети, управление научными учреждениями, наука в регионе.

Key words: globalization, research network, vertical integration of the research network, horizontal integration research network, academic institutions management, science in the region

Шоковое реформирование региональных вузов, продолжающее реформирование региональных структур Российской академии наук, актуализирует исследование проблем состояния российской науки в регионах, тенденций её развития и управления этим развитием. Перечисленные проблемные области являются многоаспектными, могут исследоваться с различных теоретических и методологических позиций. В данном выступлении акцент будет сделан на социолого-управленческом подходе и будет выделен один аспект, который не часто привлекает внимание отечественных учёных, а именно – развитие науки в российских регионах в контексте глобализации.

Предваряя изложение авторской позиции, следует указать на несколько моментов, которые являются ключевыми для этого изложения. Первый момент касается выбора подхода, который обозначен как социолого-управленческий. Использование названного подхода означает, что наука в регионах представляется в качестве сообщества/сообществ исследователей, которые рассматриваются как объекты управления. Применение данного подхода означает также широкое заимствование и социологическую интерпретацию результатов и методик исследования научных сообществ в смежных дисциплинах, таких, например, как социология науки, инновационный менеджмент, экономика знаний и т.п..

Второй момент связан с неравномерным развитием регионов/субрегионов мира, которое проявляется как воспроизводство в процессе глобализации регионального/субрегионального неравенства. В этом контексте управление российской наукой в регионах с необходимостью должно трансформироваться под влиянием таких факторов, как открытость границ, свободный обмен информацией, мобильностью кадров и т.д.. Однако

тенденции и направленность этой трансформации определяется логикой воспроизводства глобального неравенства, её проявлением в области научной деятельности. Тем самым остаётся открытым вопрос о векторах, границах, акторах этой трансформации, а также – что более важно, остаётся открытым вопрос о её субъектах и перспективах, т.е. о принципах, формах, способах и механизмах региональной научной политики.

Исходя из обозначенных посылок логичнее начать изложение с анализа влияния глобализации на процессы получения и распространения знания. В глобализационных процессах и практике следует выделить несколько тесно взаимосвязанных аспектов. Первый – усиление взаимозависимости территориально различных сообществ, увеличение числа и типов акторов международной жизни на основе новых коммуникативных и транспортных технологий. Второй – экономико-политическая практика ТНК и ведущих экономических держав в условиях экономико-политического и военно-идеологического доминирования США, основывающаяся на «вашингтонском консенсусе». Третий – теоретическое и идеологическое монологическое обоснование и сопровождение этой практики, сводящее глобализацию к технологическому прогрессу и экономическим детерминантам. У. Бек предлагает для аналитического различения этих аспектов использовать термины «глобальность», «глобализация» и «глобализм» [1, с. 23-29, 154-156].

Если говорить о глобализации в первом аспекте, то она не является принципиально новым феноменом. Различные исторические периоды развития глобальности отличаются не столько по своей сути, сколько технологической основой, исторической формой экономических агентов, содержанием конкретных исторических идеологем, порождаемыми агентами субполитики. Особенность текущей глобальности как глобализации во втором аспекте заключается в её технологическом основании, и которая в рамках технологической парадигмы может быть определена как «...доминирующая после окончания “холодной войны” единая общемировая

система, возникшая в результате национальных экономик, основанная на беспрепятственном перемещении капитала, на информационной открытости мира, на быстром технологическом обновлении, на понижении тарифных барьеров и либерализации движения товаров и капитала, на коммуникационном сближении, планетарной научной революции, межнациональных социальных движениях, новых видах транспорта, реализации телекоммуникационных технологий, интернациональном образовании» [3, с. 9]. К характерным чертам этого процесса следует отнести также единую геокультуру и отсутствие «мирового правительства», что позволяет интерпретировать глобализацию как момент развития капиталистической мир-системы, как «многообразие без [политического] единства [1, с. 26; 4, с. 85, 149].

Данный этап глобализации изменяет отношения национального государства и референциальной для него культуры, институциональным обеспечением которой является исследовательский университет. В новой ситуации, как показывает Б. Ридингс, кардинально изменяется институциональный дизайн получения нового знания. Если в предшествующий период производство и распространение знания было ядром формирования национальной культуры, то в новых условиях проблематичным становится как само понятие исследовательского проекта, так производство знания [5, с.10], вопрос «что именно преподаётся или производится в качестве знания, становится всё менее значимым» [5, с.27]. Дискурс культуры, центральной ценностью которого является автономность и самодостаточность знания, сменяется дискурсом совершенства. Со ссылкой на А. Блумма Б. Ридингс резюмирует складывающуюся ситуацию словами: «... автономия знания как самоцели находится под угрозой, поскольку больше не существует субъекта, способного воплотить данный принцип» [5, с.18], «производство знания больше невозможно» (Сказанное касается как гуманитарных, так и естественных наук. – см. [5, с.14-15].) [5, с.34]. Результатом трансформации является превращение исследовательского

университета, ключевыми фигурами которого являются студент, аспирант, профессор, в (экономически) эффективную корпорацию, ключевое место в которой занимает администратор, а профессорско-преподавательский состав подвергается пролетаризации. И глобализация как современная версия глобальности характеризуется внедрением именно новой идеологии научного учреждения и её институциональной инсталляцией.

Глобальные тенденции являются своеобразным «радиационным фоном», который определяет основное направление мутации науки в любом регионе/субрегионе вне зависимости от исторических форм её организации. Создание Федерального агентства научных организаций для управления бывшими институтами РАН является наиболее наглядным примером описанных тенденций в российских реалиях. Превращение в ключевую фигуру научного учреждения администратора мотивировалось повышением эффективности использования выделяемых средств, неэффективностью РАН. На примерах трансформации региональных центров РАН можно наблюдать превалирование логики эффективного управления государственной бюрократической структуры. Интеграция исследовательских учреждений подчинена логике административного деления страны, к которой привязано бюджетное финансирование. В дискурсе научной эффективности акцентируется практическая отдача от денежных инвестиций в исследования, что смещает процессы исследований в сторону прикладных и опытно-конструкторских (т.е., инженерных) исследований.

Характерен в этом отношении месседж, который можно найти на сайте ФАНО. В новостном сообщении от 23.11. 2016г. о заседании Совета по науке и образованию при Президенте РФ в качестве ключевых приведены следующие положения из выступления Президента РФ:

«Касаясь приоритетов развития науки, президент подчеркнул, что в ходе широкого и открытого обсуждения стратегии была выработана консолидированная позиция ученых, государства и бизнеса о том, что необходимо, прежде всего, создать мощную технологическую базу, которая

выведет на новое качество медицину и сельское хозяйство, ускорит освоение территорий, включая Арктику и Дальний Восток России.

При этом, по словам В. Путина, решить задачи такого уровня возможно только при концентрации бюджетных и частных ресурсов, при тесном взаимодействии между наукой, органами власти и отечественным бизнесом.

«Надо раз и навсегда отказаться от практики размазывания бюджетных ресурсов тонким слоем между исследовательскими организациями. Деньги должны выделяться эффективным коллективам на основе конкуренции, конкурсного отбора с тем, чтобы мы рассчитывали на получение нужного нам конечного результата», - отметил президент» [6].

Иллюстрацией происходящих в российских регионах процессов может служить ситуация, складывающаяся в Удмуртском научном центре УрО РАН (далее – УдНЦ). На первых этапах интеграции научных учреждений РАН обсуждались варианты объединения по направлениям исследований; в предлагаемых вариантах интеграций просматривался и хозяйственный (кластерный) аспект. Однако конечный вариант свёлся к объединению в одном юридическом лице двух физических институтов, гуманитарного и сельскохозяйственного институтов. Как выразился директор УдНЦ М.Ю. Альес в своём интервью ещё в бытность врио директора: это – метод консолидации «...наиболее простой с организационно-юридической точки зрения и рекомендованный ФАНО ...» [7, с.17]. Характерно, что директором регионального центра выбран учёный, ведавший внедрением новой продукции и новых технологий на крупном машиностроительном заводе. Столь же характерно озвученное им в том же интервью видение миссии академического научного центра: «... в академических институтах на выходе появляется некий научный полуфабрикат, предприятиям же нужен готовый продукт. ... мы должны быть нужны заказчикам, работающим на территории республики. Это наша миссия» [7, с.17].

Можно констатировать, главный вектор трансформации управления научно-исследовательской деятельностью в российских регионах ориентирован на модель, встраивающую производство знания в жизненный цикл товара. Ориентация на эту модель обусловлена не только подходом руководства академической науки в регионах, которое действует – порой вынуждено, – в логике глобализационных трансформаций, но и позицией региональных органов управления, их агентов.

Однако «совершенство» и эффективность новой региональной модели производства научного знания зависит и от параметров объекта управления, который обладает таким атрибутом как рефлексивность и который также трансформируется на каждом этапе глобальности. Горизонтальная интеграция в форме сетей и межрегиональная/трансграничная кооперация – основные трансформационные черты, которую приобретает «объект» управления – наука в регионе.

То, что в официальных документах обозначается абстрактным понятием «региональный научный центр», в реальном социальном функционировании является определённым социальным сообществом, объединяемым общностью профессиональной деятельности, устойчивыми коммуникациями, ценностными системами и т.д. В ситуации глобализации эти сообщества всё больше трансформируются в научные сети, сетевые форматы в буквальном смысле этого слова. Под сетевыми форматами в данном контексте понимаются социальные сети в том значении, о котором писал М.Кастельс [10]. Сетевая структура, в отличие от ее бюрократического прообраза (вертикально интегрированных сообществ), представляет собой систему с децентрализованной иерархией, широким спектром ответственности, в которой формальные отношения отходят на второй план. Научная сеть – это коммуникационная система, не имеющая определенной идентичности, устойчиво воспроизводящихся взаимодействий, готовой социально-ролевой структуры.

В российских региональных сетях, которые могут выделяться наряду национальными и международными на основании территориального охвата и плотности и используемых средств связи, можно выделить по типу преобладающей активности академические и университетские научные сети. В академических сетях научно-исследовательская деятельность является основной, сами сети складываются по поводу научных задач и отличаются большей стабильностью. В университетах доминирование учебных задач приводит к большей мобильности сетей, связанных со сменой вовлекаемых в исследования поколений студентов, и, соответственно, с большим разнообразием научной тематики. Таким образом, акцент на развитие университетской науки фактически означает риск свёртывания устойчивых сетей, центрированных на производстве знания.

И те, и другие сети могут быть классифицированы по механизму связывания на горизонтально и вертикально интегрированные сети. «Под горизонтальной интеграцией научных сетей понимается механизм связывания индивидуальных и групповых “первичных агентов”, основанный на обмене научной информацией. Классические инструменты обмена – научные конференции и иные совместные научные мероприятия, изучение литературы (институт цитирования), рецензирование научных работ и т.д. Механизмы горизонтальной интеграции отвечают за формирование из сложившихся сетей добровольных научных партнёрств, не связанных формальными регламентами, за распространение научных идей, сравнение и отбор методологических и методических стандартов» [9, с. 7865].

«Вертикальная интеграция – [это] формирование сетей посредством властного воздействия (управленческого), сверху вниз. Пользуясь терминами экономического анализа академических карьер ... [это ситуация, когда], принципал (получатели блага или услуги, в нашем случае – работодатель в лице государства) перепоручает формирование конечной сети “агентов первого рода” (исследователей), “агентам второго рода” (администраторам от науки), которые, в свою очередь, опираясь на сложившуюся систему доверия,

обеспечиваемую научными степенями и званиями, собирают научные коллективы, адаптированные, в первую очередь, к сложившейся системе иерархии, во вторую – к научной повестке, прямо или косвенно формируемой “принципалами”. В чистом виде так работают административно-бюрократические системы организации науки, подобные советской» [9, с. 7864].

Выявляемые тенденции в реформировании научной деятельности в российских регионах несут в себе противоречие в управлении. Фактически ставка сделана на вертикальную интеграцию как на региональном, так и на федеральном уровнях. Этот механизм интеграции практически направлен против управлению развитием на основе горизонтальной интеграции.

Но именно сеть на основе горизонтальной интеграции способна «купировать» риски, которые несёт глобализация. Связано это с тем, что будучи более гибкой и открытой, она может потенциально воспринимать и воспроизводить себя как в качестве актуально функционирующего социального сообщества (причём в любой из возможных его форм), так и в качестве некоего пассивного ресурса, потенциально способного актуализироваться при возникновении задач нового типа. Сети этого типа будут определять потенциал региональных научных сообществ и их отдельных их представителей. Соответственно, можно утверждать, что развитие горизонтальных интеграций представляет собой инновационный ресурс системы.

В качестве вывода анализа проблемы развития науки в регионах можно высказать положение, что в условиях доминирования вертикально ориентированных механизмов интеграции структурные изменения, предпринимаемые ФАНО, могут привести к окончательной локализации и изоляции региональных научных сетей. Это, в свою очередь, приведёт к минимизации научного потенциала региона, во всяком случае – в области фундаментальной науки.

Но, учитывая, что любая система обладает механизмами самосохранения, связанными с некими «избыточными» ресурсами или функциями, можно предположить, что научный потенциал региона может начать актуализироваться в принципиально иной плоскости – в прикладной науке, либо в партнёрствах с другими региональными сетями. И в том, и в другом случае системой будут востребованы иные механизмы интеграции, а именно – горизонтальные.

От того, каким образом будет обеспечено взаимоналожение обозначенных интеграционных механизмов будет зависеть дальнейшая судьба науки в российских регионах и, опосредованно – судьба самих регионов в системе глобального неравенства.

Список литературы

1. Бек У. Что такое глобализация? – М., 2001.
2. Beck U. Die Erfindung des Politischen. – Frankfurt/M., 1993.
3. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М., 2002.
4. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. - М., 2006.
5. Ридингс Б. Университет в руинах. – М., 2010.
6. Эл. ресурс: http://fano.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=37572 – дата последнего обращения 20.02.2017
7. Альес М.Ю. Наука должна быть драйвером инвестиционного роста // Деловая репутация. 2016. №11-12 (699-700). С. 16-17.
8. Пономарёв А.М. Трансформация управления региональной наукой в процессе реформирования регионального центра РАН (на примере Удмуртии) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса. — М., С. 7855-7861.
9. Сабурова Л.А. Проблема адаптации региональных научных сообществ к новым социальным условиям. // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21

- октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса. — М., С. 7862-7868.
10. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: 1999. С. 494-505.